

В нынешнем году татарскому поэту Кадыру Сибгатуллину исполнилось бы 75 лет. Особая благодарность за сохранение памяти о нём и его творчестве вдове поэта — Фание Хамматовне Хамматовой. Она готовила и продолжает готовить к изданию его посмертные книги как на татарском, так и на русском языке, выпуская их чаще всего за собственный счёт. Вот что говорили о поэзии Кадыра Сибгатуллина его коллеги, современники и соплеменники:

В татарскую литературу Кадыр Сибгатуллин вошёл как поэтическое явление. Такое случается редко. Довольно много стихотворцев, выпустивших по 20–30 книг, но не сумевших сказать настоящего поэтического слова. Кадыр явил миру незаурядность своего таланта. Я заметил его с первых стихотворений, напечатанных в газетах, и обрадовался: это поэт от рождения, сын своего народа! Он тонко чувствует тайны родного языка и мастерски владеет ими. Вряд ли возможен столь же тонкий перевод стихов Кадыра Сибгатуллина с татарского на другие языки. Не зря Тукай говорил, что при любом переводе с поэтических строк осыпается позолота...

Хасан Туфан

Кадыр Сибгатуллин любит в поэзии напряжённость и — одновременно — простоту. Судьба народа и судьба родного края для него едины и священны.

Рустем Кутуй

Писать о Кадыре Сибгатуллине и легко, и в то же время трудно. Легко, потому что мы жили рядом, по соседству, тесно общаясь друг с другом. Трудно, потому что он — очень сложный и большой поэт.

Кадыр не попадал под модные литературные веяния, не старался понравиться власти предрержащим, не пел дифирамбы большим чиновникам, желая понравиться им. Он не носился за славой и степенями, как некоторые это делали и делают. Он жил только по велению своей души, писал прекрасные стихи и вдруг ушёл в вечность. Поэт ушёл, а его стихи остались жить.

Кыдыр был требовательным, в принципиальных вопросах беспощадным, прямым, говорящим без обиняков. Мог войти свободно в любую дверь и сказать правду в глаза. Был своенравным, независимым, поэтому многие его недолюбливали. Впрочем, поэт не нуждался в этом. Он знал себе настоящую цену и не изменял самому себе и своей совести.

Рашит Башар

Кадыр ворвался в большую поэзию, минувя пору ученичества. Он писал очень просто об очень простых вещах, однако всё, написанное им, вошло в афоризмы родной татарской речи:

«Мучаются в тягостном одиночестве объятий, узаконенных ЗАГСом»;

«Душа моя ещё жива. Можете от неё отрезать кусочек себе»;

«Рост мой невысок, потому что земля тянет к себе»...

И просто, и ёмко! Хочешь — не хочешь, а прочитаешь. Захочется самому окунуться в мир афоризмов, но... Волшебство неповторимо!

Рахмай Хисматулин

РАССВЕТЫ

Улицы первым лучом обогреты.

Чисто везде и безлюдно.

Рассветы

Душу мою пробудили, наверно.

Ах, как брожу по утрам вдохновенно!

Ах, как дышалось — зимою и летом!

Даже собак ревновал я к рассветам.

Много ли нужно, как я, человеку?

Вижу в любом направлении Мекку...

Рая земного врата открываю.

На перекрёстках грехи отпускаю
сам же себе.

Не считаю за вздор

с небом неслышимый вести разговор.

Заспанным сердцем и взглядом

светлею.

С небом, как будто с судьбою своею.

День мой зависит от этих мгновений.

С каждым свершившимся
я совершенней.

День мой руками рассвета изваяю.

И я в нём хозяин.

Я в нём хозяин.

Птицы разбуженной песня чиста.

Я без рассвета

весь день — сирота.

Перевод А. Зорина.

* * *

Мне знакомо лицо твоё, встречный!

Жив я верой — лишь ею одной.

Как и ты, я то горд, то беспечен,

как и ты, я печален порой.

Я не справлюсь с заботой одною,

но скорблю о вселенской беде.

Я виновен всеобщей виною,

я судья на всеобщем суде.

Говорят: он слепец, к сожаленью.

К сожаленью, я не слепец.

Возрождаюсь я в каждом рождении,

с каждой смертью я снова мертвец.

Потому-то и счастлив, наверно,

что живу я сегодняшним днём.

В той же мере, как люди примерно,

опалён я бессмертья огнём.

Перевод М. Кудимовой

ТУМАНЫ ОСТАЛИСЬ В ЛОЩИНАХ

Куда идти,

и как с пути не сбиться,

когда туман обманчивый клубится,

ползёт и с той, и с этой стороны?..

Когда мы все в тумане рождены.

Но цель — мы знали — в правде

и в работе.

«Не стойте, ни мгновения не стойте», —

нас голос звал

не в призрачные страны.

Редели отступавшие туманы.

А мы всё выше поднимались, выше...

Поодиночке или вместе вышли

в далёкий путь,

нацеленный к вершине,

оставив мглу туманную ложине.

Перевод А. Зорина

ЯБЛОНЯ НА КРАЮ БЫВШЕГО АУЛА

Гнёзда бывших домов
узнаю по столбам и по ямам.
Лягушачий концерт.
Цветущий запущенный сад.
Вдоль широкой дороги,
поросшей былём и бурьяном,
вдоль последней дороги
трухлявые кольца лежат.

Не запружена речка.
Большие ручьи обмелели.
Всполошилась сорока,
родному жилищу верна.
А давно ли здесь люди
весёлую «Яблоню» пели?
Вот уехали люди,
она и притихла одна.

Если дом нежилой остаётся,
накинута скопом
таракашки-букашки-гнилушки
его пожирать.
Скособоченный весь,
ни дверей не забили, ни окон.
Бросил дом человек.
И ушёл без него доживать.

Забывается прошлое,
рухнет — доля такая...
Не отсюда ли родом, прохожий?
Ступай, не грусти.
Плачет белая яблоня,
царственный цвет осыпая.
Сколько будет ещё
одиноким и пышно цвести?..

Перевод А. Зорина

МУЖЧИНЫ

1

По селу, а не мимо села
шла война, никого не ждала,
самых крепких взяла мужиков,
и женатых, и холостяков.
Вместо ниток хозяйкам — супонь,
молодые, не бабы — огонь.

Вместо прялок — по паре быков,
на телеги — побольше снопов.
А за сеном в буран без дорог —
и мужик бы, пожалуй, не смог.
Что не делали бабы в войну —
Ты, Банат, ты, Биби, ты, Бану!
Без хозяина дом сирота,
жизнь без мужа — одна маета.
Ах, взшёл бы сейчас на порог,
улыбнулся: — Я выпил чуток...
Он вернётся с войны или нет,
для него зажигается свет.
Как узнаешь — придёт, не придёт?
Только ложка хозяина ждёт.
— В красный угол садись-ка, сынок...
Как похож на отца паренёк!
Прижимает рубахи к груди,
мужнин запах вдыхая, твердит
(страшен вопль исстрадавшихся душ):
— Был бы муж!
Был бы муж!
Был бы муж!

2

Деды — внукам, отцы — сынам
повторяют из рода в род:
Тяжесть жизни нести мужам,
Волга груз такой не возьмёт,
сил не хватит её волнам.
Если гибнет какая страна,
то теряет мужей она.
Мы, мужчины, — крылья страны,
нам терпенье и храбрость даны.
Там, где имя твоё, страна,
там же, рядом — мужей имена.
Крылья злым ветрам не сломить,
мужа с Родиной не разлучить.
— Разлучу! — сказала война,
— Разломлю! — пригрозила она.
Покажи своё мужество, муж,
укрепи миллионы душ.
Где Гата, Гариф и Гайни?
В самом пекле войны они.

Пишет муж письмо под огнём.
«Мы врагам, — говорится в нём, —
нашу землю не отдадим,
пусть погибнем, но победим!
Трудно, мать, ничего, держись,

будь спокойна, а сыну скажи —
пусть хомут и дугу хранит,
пусть за осью арбы глядит.
Я в атаку сейчас ухожу,
будет время, ещё напишу...»
Он бы рад ещё написать,
но погиб он в атаке, мать.
Кто-то ручку взял, написал:
«Смертью храбрых за Родину пал...»

Дождь прошёл, набрякли луга,
деревянная вязнет нога.
Не Гариф идёт, не Гайни,
не вернутся домой они.
Возвратился один Гата,
только сила уже не та.
Шаг шагнёт, и заночует грудь,
не до отдыха, как-нибудь,
надо хлеб без потерь убрать,
чтоб ни зёрнышка не потерять.
Без ноги попевал везде...
Так и умер на борозде.
Поклонись его праху, скажи,
— Были,
были,
были
мужи!

3

Выйдешь в путь, проходят года...
Не измерить их никогда.
Сколько на лицах у матерей
этих трудных, долгих путей!
Мы идём по тебе, земля,
мы живём — и цветут поля,
пыль полей на лицах у нас,
борозды-морщины у глаз.

Вы, Банат, Биби и Бану,
на дорогу вышли одну.
— Если б Гариф глянул на рожь...
Лучше сердце своё не тревожь.
— Здесь мы сеяли, я и Гайни...
Помнят, помнят мужей они.
— Тут упал и умер Гата...
Та ложбинка? Конечно, та.
Словно две половины души
жаждут встретиться в море ржи.

Низко-низко склонилась рожь:
— Что несёшь? И куда идёшь?..
Три колхозницы, три вдовы,
что несёте в скатерти вы?

Три комбайна рядом плывут,
Вдовы детям обед несут.
Пыль на лицах их сыновей,
благородная пыль полей.
Эта пыль, этот запах хлебов,
жизнь, работа — наследство отцов.
Даже ложки — мужам от мужей...
Накормили мамыши детей.
Повлажнели у вдов глаза,
Вдруг почудились им голоса:
— Для отцов нет могильной тьмы,
живы мы!
Живы мы!
Живы мы!

Из земли восстают они —
и Гата, и Гариф, и Гайни.
У бессмертных их душ мольба:
— Улыбнись нашим детям, судьба...
Будь к ним милостивой, судьба.

Перевод М. Скороходова

СНЕГ СКРИПИТ

1

Серебристые копытца
опустил в ложину месяц,
тонконогий жеребёнок
в небе зимнем
и пустом.
Первенец новорождённый
разыгрался в люльке зыбкой.
И качается над крышей.
И заглядывает в дом.

Воздух иглами пронизан.
Воздух вывезден.
Слетают
от прикосновенья ветра
льдинки звонкие
с ветвей.
Печка вытоплена в доме.
Тихо-тихо в светлом доме.

От серебряного снега
кажется — ещё светлей.

Внук
смеётся в колыбели.
Спит счастливый
и смеётся...
Всё посматривает в окна
мать.
Поёт веретено.
Или снег под сапогами...
Кто там ночью
ходит-бродит?...
Снег скрипит...
И правда, ходит
кто-то, не видать в окно.

2

Шаг за шагом,
год за годом
я разматываю детство.
Помню, я рыдал, как взрослый, —
без вести
отец пропал.
Может, он ещё вернётся...
Он ведь не убит,
отец мой...
Холод поселился в доме.
Ветер вьюшкой громыхал.

Как ломоть пшеничный,
месяц
стынет в ледяном оконце.
Мама голову склонила
горестно
на мой вопрос.
Хлеба нету,
спичек нету...
Н и к о г о
на свете нету...
Только мы остались двое,
мы — опухшие от слёз.
Ветхой шалью укрывались,
кутались,
как в паутину.
Близко так —
не в сказке —
воет
кто: собака или волк?

Кто избу трясёт, как сито?
Кто доской стучит в ворота?
Кто наматывает вьюгу —
белый
бедственный клубок?

Так мы никогда не ждали,
как в ту ночь.
Не похоронка
подняла нас,
а надежда
с вестью —
без вести пропал...
А соседи отрыдали.
Примирилась жизнь со смертью.
Привыкали к похоронкам.
Нет, не каждый привыкал.

В темень вглядывалась мама.
Вслушивалась...
Он вернулся...
Замирала...
Он подходит...
Выбегала и —
ни зги.
Это пёс пришёл под окна.
Это вьюга нас дурачит.

Снег скрипит...
Ты слышишь?
Слышу...
Снег скрипит...
Его шаги.

3

Треснул выстрел —
это брёвна
лопаются на морозе.
Мама выгребла из печки
угли.
Села за кудель.
Разыгрался в колыбели
внук.
И грустно, и знакомо
снег скрипит...
Нет-нет и взглянет
мама старая на дверь.

Не простилась!

Не простилась!
Не смирилась жизнь
со смертью.
Без вести пропавший — разве
навсегда, совсем пропал!
Месяц в небе разыгрался.
Первенец
озяб, наверно.
На него бы одеяло...
Да не хватит одеял.

Перевод А. Зорина

МЫ ВСЁ ЕЩЁ ВОЮЕМ...

Мы всё ещё воюем без конца.
Грядущий мир окутан мглою.
— Победа! — Дед подбадривал отца, —
враг погибает смертью злою.

На саблях запеклась чужая кровь —
кровь смоем, перевяжем раны,
но ратников усталых кличем вновь:
— Вам на покой, герои, рано! —
Не затянулось раны ни одной.
Спешит война вдогонку за войной.

— Победа! — возвещает мой отец. —
Последнего врага не стало!
Он свято верит: ныне, наконец,
всем людям счастье засияло.

В жестокой схватке только мир стяжал —
не упоенье громом боя.
Он одолел взбесившийся металл,
он пересилил время злое.
Но почему мой дом, мою страну
опять нашла дорога на войну?

Непрочен мир. Беснуется пожар
то там, то сям, и пламя не стихает.
На Родину нацеленный удар
предотвратить мне долг повелевает.

Вот сабля. Мне завещана она.
Я клятву дал, и нет другой святыни.
В наследство достаётся нам война.
Так вот мы чьи наследники доныне!
...И на границе, в мёртвой тишине
мой сын не забывает о войне.

Победа?
Кто решится возвестить,
что кончена навек людская мука?
Мир! Тонкая связующая нить,
свяжи меня и будущего внука.

Мой внук, азы начавши проходить
и что такое лапти зная слабо,
в ином являет знание и прыть:
он без запинки крикнет:

— Это сабля!
И с упоеньем назовёт подряд
игрушки:
— Танк! Солдатик! Автомат! —

Что ж, нет важнее дела, чем война?
Как раковая опухоль, до сердца
дотягивает щупальца она,
равно сметёт — врага ль, единовеца.
Война идёт столетия подряд,
Сердечный стук...
Отчаянный набат.

Перевод М. Аришиной

ЛЮБОВЬ

Пусть даже я рассудок потеряю.
Но я живу, когда люблю. Я знаю.
И выживаю,
может быть, одним:
я тоже, как и многие, любим.
Душа сопротивляется оковам.
Пытается
неизречённым словом
высказать себя.
Из дебрей немоты,
из сердца
к солнцу
тянутся цветы.
Ей
замкнутый не угрожает круг.
Счастливым миг,
сулящий бездну мук, —
любовь.
И это рабство мне угодно.
И только в нём душа моя свободна.

Вы чистотой сердечною мудры,
бессмертные
Тахиры и Зухры.
Когда сердца такие разорвутся,
земля любовью может захлебнуться.

Перевод А. Зорина

ОДИНОКАЯ ЖЕНЩИНА

Он от любви ушёл искать любви.
Забудь его. И заново живи.
Ему здесь мелко и простора нет.
Пускай и мелко, а остался след.
Какой ни есть — неблагодарный, злой.
Он был твоим, а значит, был тобой.
Себя забыть не каждая могла.
Ты с ним не час, а годы прожила...
Ушедшие — не дом и не дитя —
себя нам оставляют, уходя.

Перевод А. Зорина

ДОМ ПОД РЯБИНОЙ

Зелёный день в июне юн.
И ночь невинна.
Цветёт рябина весь июнь.
Ай да рябина!
Кисть в кисть тяжёлые цветы
к стеклу припали.
Невеста чья-то у крыльца.
Уж не моя ли?..
Всю ночь раскрытое окно —
две половины.
Укрылись двое, не видать
в цветах рябины.
Кто спелую не оборвёт?..
Кто не пригубит?..
А будет свадьба или нет?
Будет, не будет..
Открыто от неё уйдёт
или — по свету?
Задами дальними юрknёт,
и — нету.
Уйдёшь, конечно, раз мила —
уж не ославишь.
Не для кого-нибудь цвела,
а для тебя лишь.

Метнула кистью по стеклу,
чуть не разбила.
Ох, скоро вызреет крепка,
Горька рябина.

Перевод А. Зорина

ГОРОДУ

Что говорить об обиде?
Это не дело мужчин.
Ты на лице моём видел
борозды новых морщин.
Каждый твой день мне известен.
Я для тебя не изгой.
Мысли о будущем вместе
мы обсуждаем с тобой.
Но вечерами печалюсь —
этого не утаить:
видно, в деревне остались
лучшие чувства мои.
Нету ни в чём недостатка.
Чёткий, отлаженный быт.
Так отчего мне несладко?
Что мне так душу томит?
С кем поделиться из местных?
С детства привыкли они
вместо светил поднебесных
видеть ночные огни.
Я ж в моём детстве далёком
только по звёздам дагал.
В небе твоём невысоком
я этих звёзд не видал.
Я тебя, город, построил.
Ты не терзайся виной.
Некогда вышли с тобою
мы из деревни одной.

Перевод М. Кудимовой

МЫ ТВОИ, ЖИЗНЬ

Не тяжела...
Но ты и не легка.
Твои пути измерить разве можно?
Мудреет молодость.
А рядом с ней
беспомощная старость молодеет.
Мы крепкое звено одной цепи.

Бессмертные, —
одно из поколений,
идуших в вечность.
Попробуй эту цепь разъединить,
рассечь звено —
цепь тотчас же сомкнётся.

Дробил нас враг
чудовищным огнём.
Отцы сгорали.
Их предсмертным словом
было — наше имя.

Отец мой плотничал.
Весь край наш исходил.
Он добрые когда-то срубы ставил.
Он о дворце мечтал...
В бревно вонзил
отточенный топор...
И не вернулся...
Он плотник был: с землёю связан плотно.
Как ни пытались времена лихие,
его не оторвали от сохи.

Война оторвала.
С землёю всё же,
с родною,
и она не разлучила.

Строитель свой топор оставил...
Пахарь —
полоску нераспаханной земли.
Поэт ушёл,
и высохли чернила,
и в горле ком остался
и мешает
его строку без слёз произнести.
Но их заветы,
замыслы,
мечты
в нас с колыбели перевоплотились.
Чуть подрастали мы —
и запрягали
коней, когда-то ими распряжённых.

Мы — крепкое звено одной цепи,
мы — поколение идущих в вечность.
Неощутимо сцеплены друг с другом,
а звенья невозможно расковать.

Пусть
домом меньше,
меньше бороздой,
одной строкою в незаконченной поэме...
Но домечтали,
досказали мы
сначала в полный голос за отцов.
А уж потом свои достали перья.

Ты наша, жизнь! А мы — твои!
И плотно
ложится иногда твой груз на плечи.
Там, за спиною, пепельные ветры...
А впереди какие?
Не тяжела, но ты и не легка.
Твои пути измерить разве можно?..
По тридцать нам,
а мы уже седые.

Перевод А. Зорина

НАРОД-ПОЭТ

Эпоха ль такая? — не раз я гадал. —
А может быть, люди такие?
С кем я ни знакомился, где ни бывал, —
повсюду поэты сплошные.
Тетрадь испещряет стихами школяр
восточных диванов нежнее.
И этой тетрадки мечтательный жар
конспектов иных поважнее.
Ошибок там нет,
и отметок там нет.
(Я сплошь бы «пятёрки» поставил.)
А чем вдохновляется юный поэт?
Любовью —
к деревне,
к державе.

Вот пишет учитель,
как учеников
он любит.
Как любит уроки.
И что не успел он сказать вне стихов,
то преображается в строки.
И врач невзначай
занемог стиховой
болезнью.
И не излечился.

А вот агроном.
Он стихами с землёй,
как друг, говорить научился.

Девчонки стихи посылают парням
и отклика ждут не напрасно.
И в этих признаниях столько огня —
бумага пожароопасна!
Вот пишет
минувшей войны инвалид...
Чего старику не хватает?
Душа, точно рана,
о мире болит.
О мире в стихах он мечтает.
По улицам ходят соседи мои —
их лица поэзией дышат.
Стихи — ведь они выраженье любви.
Народ, коль не любит, не пишет.

Эпоха ль такая? — я думал не раз. —
Народ ли такой? Иль природа?
В том счастье я вижу своё без прикрас,
что я — сын поэта-народа.
Пустыми словами народ не купить.
Мудрец он, и пахарь, и воин.
Он через стихи научился любить,
он грамоту духа освоил.
Я прежде дивился.
Теперь по привык.
Мне жизнь объяснила всё это.
Мне дал осознать мой родимый язык
явленье народа-поэта.

Перевод М. Кудимовой